

новую группу бар. Клода «Толстой на панихи».

Сутелка торжественных проводов отъезжавших гостей не позволила директорам кружка, В. Я. Брюсову и Н. Н. Баженову, «объяснить» это подношение. Поэтому дирекцией кружка была послана в Брестъ, в дорогу, соответствующая телеграмма, в которой, между прочим, от имени кружка барону д'Эстурнель-Констану выражалась просьба принять бронзовую группу на память о посещении французскими парламентариями Литературно-художественного кружка.

Вчера кружок получил от бар. д'Эстурнель-Констана ответную телеграмму:

«Глубоко тронутые как вашим вниманием, так и вашим приемом, мы еще раз благодарим вас. Лично я сохранил символическую бронзовую группу, как награду и как ободрение к новым трудам. Сердечный привет от нас всех вам всем, д'Эстурнель-Констан».

Речь С. В. Яблоновского.

— В последнее время очень много говорили и писали о каком-то сорном творчестве в театре и о полном единении сцены и зрительного зала.

Читая это, я каждый раз вспоминаю о Комиссаржевской.

Еще в начале своей артистической карьеры, без всякого заранее обдуманного намерения, она создала это единение: все в театре стремились к ней, и она чувствовала, что пришла к ним.

Я помню, десять лет тому назад, в Харькове, ее прощальный спектакль-бенефис.

Шла «Волшебная сказка».

Пьеса Потапенко, средняя... Но каждый артист обладает своим собственным творчеством.

Великий артист наполняет и дополняет образ, созданный автором, своим творчеством.

Плохой актер, — наоборот.

Комиссаржевская эту «серединную» роль Наташи подняла на необыкновенную высоту.

Южная публика экспансивнее вообще. Она чувствует боль, больше рвется к артистам.

В этом спектакле чувствовалось, что все зрители были объединены, — все были знакомы, были родными братьями.

Тут было что-то стихийное.

Я тут же набросал несколько строк, которые и прочел тут же, со сцены.

Вот эти строки:

«Волшебная сказка!» Среди жизни суровой
Побегать вдруг правдой чудесной, новой,
Проглянуть вдруг солнышка Божьего
Ласка, —

И сердце трепещет, волнуется, бьется,
И музыкаю небо во ушах раздается.

Волшебная сказка...

О, сила таланта! О, дивная сила!

Ты нас озаряла, ты нас покорила —

И вот покидаешь... Предъ грустной раз-
вязкой

Изъ тысячи грудей летить к тебе слово:

Вернись поскорее! Порадуй нас снова

Таланта родного, живого, святого

Волшебною сказкой!

— Я помню, — заканчивает оратор, — ее в разных ролях, ее детскую улыбку, ее скорбное изумление, но представить себе не могу ее мертвой... я не умью. И пускай она живет в наших сердцах всегда живая, великая!..

Последним выступил г. Туркинъ;

разказавший о деятельности В. О. Комиссаржевской во время службы ее в Новочеркасске.

После речей К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко стали любезно приглашать гостей в верхнее фойе на стакан чаю, во время которого от имени собрания были отправлены две телеграммы — одна в Ташкентъ, большим артистам труппы Комиссаржевской, другая — брату покойной — О. О. Комиссаржевскому, с выражением горести о тяжелой утрате.

Панихиды по В. О. Комиссаржевской.

В Москве.

Вчера, в 3 часа дня, по инициативе артистов Императорского Малаго театра, в храмъ театрального училища была совершена панихида по В. О. Комиссаржевской.

Храмъ был переполнен представителями артистического мира. Здесь находилась почти в полном составе труппа Малаго театра — управляющей труппой князь А. И. Сумбатовъ, В. К. Вишневская, Н. А. Никулина, Е. М. Садовская 2-я, А. А. Яблочкина, М. Ф. Лепенинъ, С. В. Айдаровъ, Н. М. Паларинъ, П. М. Садовский 2-й, В. А. Сашинъ и другие, директора Художественного театра — К. С. Алексеевъ и В. И. Немирович-Данченко, артистки и артисты — Л. М. Коренева, А. Л. Вишневский, В. В. Лужский, И. М. Москвинъ и другие, артистки и артисты балетной труппы — Е. М. Адамовичъ 1-я, Е. В. Гельцеръ, М. Р. Рейзенъ, А. Е. Волининъ, В. Д. Тихомуровъ, членъ съезда Императорского русского театрального общества А. А. Бахрушинъ, театральные критики — С. С. Мамонтовъ и Н. Е. Эфросъ, преподаватели и учащиеся в балетномъ отделении театрального училища, съ инспекторомъ М. Н. Черемухинымъ во главъ.

Императорский Малай театр возложил на гробъ покойной В. О. Комиссаржевской венокъ.

Запрещение епископомъ Гермономъ отслужить панихиду в Саратовѣ по почившей артисткѣ вызывает много разговоровъ среди артистического мира.

— Вчера в церкви Космы и Дамиана, в Космодамианскомъ пер., по инициативѣ близкой подруги В. О. Комиссаржевской, жены К. И. Гучова, были отслужены заупокойная литургия и панихида.

Храмъ был переполнен публикой.

Совершавший богослужение священникъ С. Н. Лебедевъ передъ панихидой произнесъ теплое «слово» по поводу кончины В. О. Комиссаржевской.

Въ Петербургѣ.

(По телефону отъ нашего петербургскаго корреспондента).

Въ 12 час. дня, 14-го февраля, в церкви петербургской консерватории будетъ отслужена панихида по покойной В. О. Комиссаржевской.

Отъ учащихся консерватории на гробъ будетъ возложенъ венокъ.

Въ провинци.

(По телеграфу отъ нашихъ корреспондентовъ).

ХАРЬКОВЪ, 13, П. Въ 4 ч. дня в соборѣ отслужена панихида по В. О. Комиссаржевской, в присутствіи артистовъ драмы и оперы, представителей мѣстной прессы, студентовъ, курсистокъ и интеллигенціи. Соборъ не могъ вмѣстить всехъ собравшихся. Около собора стояла огромная толпа, долго не расходившаяся. Панихида была отслужена по инициативѣ артистовъ драматической труппы городского театра.

ФИГА, 13, П. Сегодня в Алексѣевскомъ монастырѣ труппою русского театра, представителями литературы и членами женскаго клуба отслужена панихида по В. О. Комиссаржевской.

ТИФЛИСЬ, 13, П. Отслужены панихиды по В. О. Комиссаржевской: городской управой — в помѣщеніи народного дома, совѣтомъ артистическаго общества — в военномъ артистическомъ товариществе — в казенномъ театрѣ.

В. О. Комиссаржевская.

Отправка тѣла въ Петербургъ.

(По телеграфу отъ нашего корреспондента).

ТАШКЕНТЪ, 13, П. Въ 12 час. дня гробъ съ тѣломъ В. О. Комиссаржевской, въ сопровожденіи многотысячной толпы, былъ доставленъ на вокзалъ и поставленъ въ вагонъ, весь убранный вѣнками, числомъ болѣе 60-ти. Сегодня ночью тѣло покойной артистки будетъ отправлено въ Петербургъ. Труппа сопровождаетъ покойницу.

Сегодня нѣкоторые магазины были закрыты.

Гражданская панихида по В. О. Комиссаржевской.

Гражданская панихида по В. О. Комиссаржевской состоялась вчера утромъ въ фойе Художественнаго театра.

Собрались артисты московскихъ драматическихъ театровъ, все представители Художественнаго театра, съ К. С. Станиславскимъ и В. И. Немировичемъ-Данченко въ главѣ, драматурги, среди которыхъ — П. Д. Боборыкинъ, кн. А. И. Сумбатовъ и И. В. Шпагинский, литераторы и журналисты.

«Литературно-артистическая» Москва.

На задней стѣнѣ, сплошь затянутой траурнымъ крепомъ, виситъ портретъ В. О. Комиссаржевской, украшенный цвѣтами.

Собрание открываетъ В. И. Немировичъ-Данченко.

Речь г. И. Немировича-Данченко.

— Дорогие друзья!

Разрѣшите мнѣ такое обращеніе, болѣе соответствующее людямъ одной профессіи, собравшимся здѣсь объединенными одной глубокой скорбью, охватившей всехъ насъ.

Дорогіе друзья, мнѣ кажется, что такая собранія намъ нужны, что чувствуется потребность встрѣчаться намъ не только для молитвы объ упокоеніи души, но и для дружескаго обмена воспоминаніями, которая есть у каждого изъ васъ.

Пусть наше собраніе будетъ опытомъ первой гражданской панихиды.

На нашу просьбу разрѣшить намъ отслужить духовную панихиду по В. О. Комиссаржевской мы получили отказъ со стороны высшей духовной власти.

Не въ первый разъ запрещаются панихиды в театрахъ, разрѣшаемыя и въ театральныхъ обществахъ, и въ театральныхъ училищахъ, существующихъ при театрахъ и обслуживающихъ театр.

Но не для протеста противъ подобнаго порядка, котораго мы не понимаемъ, собрались мы.

Наше сердце сейчасъ бунтуетъ противъ болѣе высшаго, — противъ рока, который вырвалъ у насъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ талантовъ, одинъ изъ такъ-называемыхъ свѣточей нашего служенія искусству, одинъ изъ такихъ громкихъ талантовъ, творчество котораго имѣетъ источникомъ таинственный родникъ природы.

Свѣточь, отъ котораго освѣщался весь нашъ путь и мы сами.

Который поддерживалъ въ насъ глубокую вѣру въ то, что наше дѣло не есть ремесло, а искусство.

Когда угасаютъ эти свѣточки, становится не только скорбно и жалко, но и страшно!

Зная, что такихъ свѣточей среди насъ немного, мы должны свято хранить и почитать память ихъ. Прошу собраніе почитать память Вѣры Федоровны Комиссаржевской вставаніемъ.

Послѣ этихъ словъ, собраніе, стоя, выслушало «Вѣчную память», пропѣтую хоромъ Художественнаго театра.

Вторымъ говорилъ П. Д. Боборыкинъ.

Речь П. Д. Боборыкина.

— Многие, вѣроятно, изъ здѣсь присутствующихъ могутъ обогатить сегодняшнюю бесѣду личными воспоминаніями о покойной Вѣрѣ Федоровнѣ Комиссаржевской.

На мою долю выпала особенная участь — видѣть не только со стороны ея художественное дарованіе, но и имѣть ее исполнительницей одной изъ моихъ пьесъ.

Но я буду говорить о ней не какъ авторъ, а какъ зритель и старый другъ театра, передъ которымъ прошла цѣлая серия театральныхъ событий, цѣлый рядъ театральныхъ дѣятелей и талантовъ, начиная отъ М. С. Щепкина до сегодняшняго дня.

Вѣра Федоровна для меня была осуществленіемъ той мечты, которую не я одинъ, но и многие изъ моихъ собратовъ желали, — видѣть на сценѣ женщину, пришедшую «изъ жизни».

Она была именно «актриса изъ жизни». Она принесла съ собой на сцену цѣлый комплексъ личныхъ испытаній и впечатлѣній.

Она дала намъ «общественную физиономию» русской женщины на рубежѣ двухъ столѣтій.

И она носила въ себѣ задатки не только актрисы, но и будущей учительницы сцены.

Въ послѣдствіи, дѣйствительно, трагиче-

ская судьба пекальницы новыхъ задачъ театра, она не выступала продолжательницей старыхъ театральныхъ традицій.

Въ этомъ ее громадное отличіе отъ всехъ французскихъ актрисъ, которыя всегда вѣрны традиціямъ, и у которыхъ главнымъ недостаткомъ является отсутствіе бывшей у Комиссаржевской чуткости. Не упрекнуть, а лишь высказать сожалѣніе можно о томъ, что она слишкомъ увлеклась исканіями. И надо пожелать, чтобы въ исторіи русскаго театра всегда появлялись такіе самородки, которые будутъ вѣчно оживлять театр.

Слѣдующимъ выступаетъ кн. А. И. Сумбатовъ.

Речь кн. А. И. Сумбатовъ.

— Вотъ ужъ, говоря поетинѣ, не время говорить сейчасъ...

Лучшее украшеніе, самая дорогая часть нашего огромнаго дѣла — сейчасъ запахла въ свинцовомъ гробу и ѣдетъ изъ глубины Средней Азіи, чтобы встрѣтить наши слезы, наше волненіе и наше послѣднее прощаніе!

Нельзя сейчасъ говорить о томъ, что такъ насъ волнуетъ... Такія страшныя событія намъ приходится переживать чуть не каждый годъ, и не на собраніяхъ, а изслѣдованіями, производимыми годами, надо запечатлѣвать ихъ въ серьезныхъ книгахъ, гдѣ каждое слово должно быть взвѣшено.

И здѣсь я хочу остановиться только на двухъ моментахъ, особенно привлекающихъ наше вниманіе, какъ во всей жизни Вѣры Федоровны, такъ и въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ее кончину.

Вспомнимъ историческое развитие русскаго театра, русскаго актера. Крѣпостная Россія, крѣпостные актеры, бездорожье...

Отношеніе, которое не измѣнилось и сейчасъ, въ XX вѣкѣ, когда запрещается панихида въ зданіи театра, — что не уменьшаетъ, положимъ, нашего молитвеннаго настроенія...

И по этой едва начинающей жить культурной жизни странъ — голодные, измученные, несчастные люди — актеры — ходятъ и въ область насилія, злобы, рабства вносятъ начала добра, красоты, творчества.

И, вотъ, это первый моментъ.

Длинный путь, который долженъ сдѣлать вагонъ съ гробомъ В. О. изъ Ташкента, напоминаетъ мнѣ скорбный путь, сдѣланный бѣднымъ, униженнымъ, безправнымъ русскимъ актеромъ.

Второй моментъ — это то, что въ этой самой Вѣрѣ Федоровнѣ видно, до какой степени дорогой талантъ близокъ намъ всемъ.

Видно это по тому, какъ отразилась ея смерть на общемъ настроеніи, несмотря на то, что вниманіе наше сейчасъ было отвлечено на прѣхавшихъ къ намъ гостей, носителей великихъ идей, представителей великой націи.

Я встрѣчался въ эти дни со многими представителями общественныхъ идей и замѣчалъ, какъ на всехъ ихъ отразилось наше горе какимъ-то флеромъ.

Мнѣ хотѣлось бы одного... чтобы каждый изъ насъ носилъ въ себѣ знаніе великой, священной миссіи русскаго актера, которую такъ воплотилъ нашъ усопшій геніальный товарищ!

Слѣдующій ораторъ — Н. Е. Эфросъ.

Речь Н. Е. Эфроса.

— Не съ попыткой характеризовать В. О. Комиссаржевскую — актрису и ея творчество я пришелъ сюда.

Хочу сказать нѣсколько словъ о человекѣ.

Существуетъ мнѣніе, что между людьми, лишающимися о театръ, и театральными исполнителями должна быть стѣна.

Болѣе нелѣпнаго мнѣнія я не знаю. Нужно очень мало вѣры и уваженія къ себѣ, чтобы думать, что, подойдя отъ актера къ человекѣ, мы утрачиваемъ хотя бы малую долю себя самого.

Съ В. О. Комиссаржевской мы были друзьями.

Много и долго бесѣдовали мы съ нею и объ искусствѣ, и о другихъ вопросахъ.

Вчера перечитывалъ я ея письма.

Сколько глубокой искренности, сколько пониманія жизни въ этихъ довольно бесвязно разбросанныхъ и неясно написанныхъ фразахъ.

Особенно запомнилась мнѣ одна ея фраза:

— Я не умью жить настоящимъ, я живу только будущимъ, — это великая моя трагедія и это великое мое счастье...

И дѣйствительно такъ, для будущаго, жила она всегда, не считаясь съ настоящимъ, всегда стремясь впередъ.

И въ этихъ порывахъ стремленій, мученій протекала ея жизнь.

Когда осуществилась ея завѣтная мечта о своемъ театрѣ, необычныя для нея радостныя ноты звучатъ въ ея письмахъ, но не надолго, — скоро онѣ исчезаютъ...

Пусть у насъ глубоко сохраняются, — заканчиваетъ ораторъ, — въ самыхъ тайникахъ сердца, воспоминанія о человекѣ, одномъ изъ лучшихъ, которыхъ создавала наша желанная жизнь!

На каеодъ С. В. Яблоновскій.

ТЫ Русские Сосво
ХОДА Москва
26
М/у 401.